

Молниевый голем / The Lightning Golem (рассказ)

Перевод коллектива "[Вольные Криптографы](#)"

Этот перевод был выполнен коллективом переводчиков "Вольные Криптографы". Их канал в Telegram находится [здесь](#).

WARPFROG

Гильдия Переводчиков Warhammer

Молниевый голем / The Lightning Golem (рассказ)

Автор	Ник Кайм / Nick Kyme
Переводчик	StacyLR
Редактор	Ejiarch , Mikael Loken
Издательство	Black Library
Входит в сборник	Мифы и грёзы / Myths and Revenants
Год издания	2018
Подписаться на обновления	Telegram-канал
Обсудить	Telegram-чат
Скачать	EPUB , FB2 , MOBI

Поддержать проект

Рассия задрожала в его руках.

- Теперь отдыхай, - произнес он.

Она немного повернула голову, моргая темными глазами.

- Отдыхай, больше никаких сражений.

Иссакиан Меченосец нежно погладил бок грифогончей, остановив закованные в доспехи пальцы до того, как они коснулись убившей ее стрелы. Он чувствовал, как слабо бьется ее сердце.

Рассия раскрыла клюв. Фиолетовый язык вывалился меж острых зубов.

- Отдыхай, - вновь произнес Иссакиан, баюкая ее голову одной рукой. - Больно больше не будет.

Она единожды содрогнулась и испустила последний вздох.

Иссакиан склонил голову и поборол скорбь. Гончая была подле него с тех пор, как он присоединился к Небесным Рыцарям; связь длилась многие годы.

- Ты верно служила мне, Рассия, - прошептал он. - Лучшего я не мог желать, - душевная боль переросла в гнев, и пальцы сжались в кулаки, когда он поднялся на ноги. Пробившись через туман, он взмахнул кроваво-красным плащом. Того же цвета были перуги его темно-синей брони. Под плащом оказался меч в ножнах. Он выплюнул два слова.

- Правосудие грядет.

Затем Иссакиан выхватил клинок, сиявший подобно сумеркам. Он знал, что они его увидят. Он хотел, чтобы они его увидели.

Неожиданно появилась мускулистая фигура, к телу которой, словно цепкие пальцы, липли струйки розоватых испарений. Бороду покрывала кровь. На голой плоти была нанесена руна Гектата - крюк и глаз, опутанные пламенем. Кожу пронзали перья: розовые, синие, лиловые. Глаза, дикие и безумные, таранились на Иссакиана из-за полу-птичьей маски.

Разрезав воздух, свистнул топор, направляясь прямо к голове Иссакиана. Лезвие выглядело запачканным, зазубренным. Часто используемым.

Иссакиан выставил наруч, и топор заскреб по нему, выплевывая, похожие на вспышки, искры, пока рукоять не поддалась и не сломалась. Оголовье топора отлетело в сторону, и Иссакиан набил брюхо Гектата футом мерцающего зигмарита.

Злобно улыбаясь испачканному клинку, он отбросил Гектата как раз, когда появился другой варвар, требующий его крови. Иссакиан присел на корточки и поразил его в пах. Затем он встал, чтобы сразиться с третьим, отрезав сжимавшую тяжелый молот руку, а следом отрубив голову и оборвав горестный вой Гектата. Струя темной артериальной крови ярко сверкнула, упав на белый наплечник грозорожденного.

Четвертый Гектат вскинул двуручный топор и, взмахнув для смертельного удара, издал птичий вопль. Иссакиан отклонился за секунду до того, как топор рухнул вниз. Гектат перестарался и подался вперед -

потерявший равновесие и уязвимый. Мгновением позже его голова слетела с плеч. Иссакиан едва ли удостоил гада вторым взглядом, продвигаясь дальше в туман.

К этому времени он расслышал тихие отзвуки сражения. Где-то в этой мерзости яро сражался Васселий со своими воинами. Небо озарила беззвучная, потускневшая из-за дымки дуга молнии.

- Я иду, брат, - произнес Иссакиан.

Он искал пятого нападавшего - лучника, чей выстрел оборвал жизнь Рассии. Выпущенная в спешке стрела отскочила от наруча Иссакиана. Лучник в страхе отступал, надеясь сбежать в розовые испарения.

Он уготовил ему иную судьбу.

- Сие есть правосудие, - сказал он. - Сие есть Зигмар! - он метнул меч, как копьё, и клинок пронзил грудь Гектата.

Иссакиан бегом, с нечеловеческой скоростью, сократил между ними расстояние. В брызгах крови он вырвал свой меч и воткнул его в горло Гектата до того, как выродок упал. Пришла смерть. Месть чувствовалась пустой. Племя Гектат, хоть и нечистое, не было его добычей. Он пришел сюда в поисках чего-то иного, создания большего, чем человек, но его не найти в этом бесконечном облаке. Оно опустилось быстро, утопив крупное сражение и разделив силы Васселия, частью которых считал себя Иссакиан.

Он тяжело дышал, покрывая внутренности шлема брызгами слюны, и пытался не вдыхать слишком много тумана. От него сводило зубы. Воздух пронизывала магия. Она ощущалась, словно кислота на языке. Его разум на мгновение наполнился психоделическими видениями... *Призыватель с головой пурпурной вороны... Плащ из разноцветных перьев... Молниевый голем.* Он отбросил их. Они являлись Иссакиану раньше, *снились* раньше. Он сосредоточился на своей цели. Васселий должен быть недалеко.

- Рассия... фонарь, - позвал он, а затем шепотом выругался. - Дурак...

Иссакиан нашел фонарь там, где оставил его воткнутым в землю и сиявшим, будто маяк.

Он высоко поднял его на древке, полностью выпрямив руки.

- Колдовство, - взревел он, - я отрицаю тебя!

Потусторонний туман отшатнулся, словно обжегся. Он *завизжал*, и, как утренняя дымка под солнцем, постепенно слабел, пока не исчез. Неожиданно вновь пробились образы и звуки битвы.

Всюду вокруг него горел Харобард. Деревянные валы пылали, на улицах толпились отчаявшиеся бойцы. Стычки вспыхивали по всему городу, поскольку туман рассеял грозорожденных, и лишь теперь они восстановили подобие боевого порядка.

Иссакиан нашел Васселия среди воинов, прямо в гуще битвы. Воин-бог, облаченный в доспехи цвета слоновой кости и с голубыми наплечниками своего Грозового воинства. Он сражался с сокращавшимися числом Гектатами у подножия лестницы храма. По обе стороны от него, обрамляя неровные каменные ступени, возвышались вырезанные из блестящего мрамора статуи, чествовавшие великих зверей этих земель. Васселий со своими людьми быстро захватил лестницу и отбросил орду за поднятые щиты и разящие мечи.

На одном фланге находились воины в бледной броне рыцарей Превосходства, на другом – копейщики из Бругарских Королей в густых мехах и шлемах-черепках, сражавшиеся с яростью недавно освобожденных, извлекая рев из рогов и выбивая громогласную барабанную дробь.

Иссакиан добрался до узкого прохода между статуями зверей, где битва была наиболее жестокой.

Почти сотня грозорожденных сражалась плечом к плечу, всаживая стрелы и метая копья. Теперь, когда их освободили от порчи тумана, ничто не могло их остановить, однако, Иссакиан увидел, как воина в белом ударили в горло. Он пропал из виду, после чего вверх взметнулся разряд молнии.

Это был последний акт неповиновения.

Гектаты дрогнули и разбежались, неспособные сравниться со свирепостью грозорожденных или воинов, чью землю захватили.

Бругарцы ликующе взревели. Грозорожденные герольды протрубили победу, сотрясая саму землю. Васселий издал клич, отославший в небо и в развалины охотников, дабы выследить бегущих Гектатов и гарантировать их смерть. Он повернулся и поднял молот в триумфе.

Иссакиан приветственно поднял собственный меч, встретив его у храмовой лестницы.

- Не время отдыхать, брат, - сказал ему Васселий. Голова у лорда-целестанта была непокрыта, и его рыжие волосы на фоне белой брони были яркими и живыми, как огонь, а глаза горели предвестием дальнейшей битвы.

- Со времени нашей встречи ты стал более склонен к жестокости, Васселий.

- А у тебя, Иссакиан, слишком мягкое сердце, - благодушно сказал тот. - Неплохая из нас пара, а?

- Это верно.

Васселий указал молотом на развалины позади храма.

- Мои охотники усердно трудятся. Не присоединиться ли нам? Многие из этих гадов еще живы и оскверняют добрые земли Зигмара.

Иссакиан кивнул.

- Я последую за тобой в руины, но и убийства оставлю тебе, лорд Железный Щит.

- Значит, все еще охотишься? - спросил Васселий.

- Я еще не нашел его. Но если он здесь, если *оно* здесь, то найду, - Иссакиан убрал меч в ножны. - Я видел среди орды Гектатов пленных. Кто спасет их, если ты будешь занят истреблением?

Васселий широко улыбнулся, но его пронизательные зеленые глаза выдали толику внутренней печали.

- Я бы сказал, что это лучше оставить тебе.

Иссакиан коротко хохотнул.

- Звучит мудро.

Васселий не ответил. Он оскалился, обнажив жемчужно-белые зубы, и развернулся на каблуках. Лорд-

целестант, поторапливая, позвал своих воинов и бургарцев, которым понадобилось немного воодушевления.

Иссакиан последовал за ними медленнее, оставив свой фонарь позади. Ни один Гектат, вернись они в эту часть города, не смог бы его тронуть. Сейчас в нем не было нужды, и он был слишком громоздким, чтобы нести в узких проходах, образовавшихся из-за разрушения Харобарда.

Во время своих поисков, Иссакиан слышал, как вырезают Гектатов. Задача необходимая, но мрачная, заставившая его задуматься, как много человечности грозорожденные отдавали молнии. Сколько оставалось от души, каждый раз, когда он несся на буре?

Его мысли затуманили чувства достаточно, чтобы он едва не пропустил девочку, прячущуюся под полуразрушенной аркой. Когда-то это был мост, но Гектаты его разрушили. Остались только мусор и сломанная арка.

Когда Иссакиан подошел, девочка, частично скрытая тенью, посмотрела вверх. Она казалась напуганной и прижала к груди что-то, с чем играла, словно боялась, что он украдет.

- Все хорошо, дитя, - сказал Иссакиан, присев и подняв руки, показывая девочке, что не вооружен, а затем медленно снял шлем. Его коротко стриженные волосы и борода казались влажными от пота, но человеческое лицо было лучше, чем выкованное из бесчувственного зигмарита.

Девочка, кажется, расслабилась, разжав руки на деревянной игрушке и протянув ее Иссакиану.

- Как тебя зовут, ди... - начал он, но понял, что его глаза замерли на игрушке. Он видел такие раньше: зоотроп, цилиндр, вращающийся вокруг центральной оси, с крохотными отверстиями, вырезанными на его поверхности, смотря через которые можно увидеть движущуюся картинку, подсвеченную одиноким огоньком свечи.

Эта вещь была точно такой же, и девочка уже раскрутила ее.

- Посмотри... - предложила она мягким и детским голосом. - Увидь...

Иссакиан заметил мерцающее свечное пламя и кратчайшую вспышку движущихся изображений внутри. Он подался ближе, намереваясь заработать доверие девочки, но затем ощутил порыв посмотреть на игру теней, развернувшуюся на стенках цилиндра зоотропа.

Неухоженный старик ковыляет на тонких и скрипящих ногах. Он идет, и идет, и идет, пока с небес его не поражает разряд, и он не становится облаченным в ночь королем. От его головы расходятся молнии, руки держат освещенный звездами меч.

Облаченный в ночь король рубит, рубит, рубит, сокрушая всякое чудище и всякий ужас на земле, пока не находит молниевое голема с пурпурной вороной на плече. И вот, на склонах похожей на когтистую лапу горы, облаченный в ночь король и молниевый голем вступают в битву.

Со свистом рассекает воздух меч облаченного в ночь короля; рокочет гром молниевое голема; каркает наслаждающаяся подобным представлением пурпурная ворона. Гора содрогается, и облаченный в ночь король борется изо всех сил, но не может превзойти молниевое голема.

Истекая черной, скрипучей кровью, облаченный в ночь король более не может сражаться. Он встает перед молниевым големом на колени, бессильный против него. И под взглядом пурпурной вороны, молниевый голем раскрывает широкую, будто пещера, пасть и проглатывает облаченного в ночь

короля целиком.

После остается лишь молниевый голем, фиолетовая ворона на его плече, а облаченного в ночь короля более не существует.

Неожиданно ощутив потребность вздохнуть, Иссакиан схватил ртом воздух. Он согнулся, глотая его и пытаясь избавиться от тяжелого чувства тревоги. Его левая рука дрожала. Он чувствовал тяжесть, будто после битвы.

Девочка пропала, однако, услышав приближающиеся шаги, он развернулся и выхватил меч.

- Лорд-дознаватель, - произнес один из воинов Васселия. Он нес выщербленный щит, а подбородок, усыпанный колючей щетиной, выдавался из-под отсутствующей части маски шлема. Ее срезали во время битвы. Рот удивленно изогнулся. Рыцарь Превосходства наполовину вытащил свой меч. Иссакиан услышал, как он гудит мощью азирита.

- Как давно ты тут стоишь?

- Всего пару мгновений, лорд-дознаватель. Лорд Железный Щит послал меня, - пояснил рыцарь. - Он у них... - теперь его лицо снова изменилось, удивление превратилось в жажду мести. Губы изогнула мрачная улыбка. - Шаман Гектатов.

Иссакиан надел свой шлем.

- Отведи меня туда. Сейчас же.

Шаман стоял на коленях в крови и грязи следов сражения, окруженный своими павшими.

Одна из воинов Васселия, Агревейн, держала свой топор у его шеи. Ее глаза были гневными и серыми, как буря. Ей хотелось его убить.

- Он последний, - объявил Васселий. Он стоял вместе с Бругарскими Королями, чуть поодаль от шамана, в поражении преклонившего колени. Пленный выглядел напуганным, будто побитая собака.

Иссакиан подошел к нему, кончиком меча заставив поднять голову.

- Гром и молния... гром и молния... - бормотал он. Расколотый и брошенный птичий череп с головным убором из перьев лежал рядом. Шаман был стар, с жесткой бородой, выкрашенной в синий и розовый, чтобы умилостивить его бога. В глазах горела лихорадка. Иссакиан слышал, что Гектаты варят зелья, дабы усилить в схватке свою удаль и мощь своего колдовства. В итоге им это не помогло. Он встретился глазами с шаманом и глубоко заглянул в них. Никто из живущих не мог сокрыть свою истинную природу от лордов-дознавателей. Он отвернулся, опустив меч.

- Это не он, - сказал Иссакиан, не сумев скрыть разочарование в голосе.

Васселий будто собирался поспорить, но передумал. Он кивнул Агревейн.

- Заканчивай.

Она подняла топор для смертельного удара, но шаман заговорил, и она помедлила.

- Пурпурная ворона... - прохрипел он. - пурпурная ворона и молниевый голем.

Иссакиан развернулся и бросился к шаману.

Топор Агревейн повис, замерев посреди казни.

- Что ты хочешь этим сказать? - спросил Иссакиан.

- Пурпурная ворона... - произнес шаман, - а облаченного в ночь короля более не существует... - потом он засмеялся - пронзительно, будто предсмертный вопль.

Иссакиан отступил, одновременно встревоженный и разозленный.

Топор Агревейн опустился. Смех оборвался.

Иссакиан едва слышал это. Он отвернулся, уходя в руины, где ждала Рассия.

Она лежала неподвижно, и Иссакиан признался в тайной надежде, что, может быть, он ошибся, и она еще жива. Это было не так.

Опустившись рядом с ней на колени, он отстегнул плащ и положил его на землю. Потом снял шлем и тоже опустил его.

Иссакиан с почтением завернул Рассию в свой плащ. Потом положил на ее тело руку, закрыл глаза и мягко запел траурный плач. Он оставался так какое-то время, вспоминая и одновременно пытаясь забыть то, что видел в зоотропе. Увиденное пугало, но он не мог отрицать его значимости.

- Для нее нет разряда молнии, - сказал Иссакиан, услышав, как подошел Васселий.

- Видимо, нет, - ответил лорд-целестант, протянув руку в латной перчатке, на которую Иссакиан оперся, поднимаясь на ноги. - Но она будет перекована в нашей памяти.

- Хорошая мысль.

- Я на это надеялся, - Васселий пришел не один. К ним присоединилась охотница, Агревейн, увенчанная копной белых волос. Ее зачехленный боевой топор, почищенный после того, как она разобралась с шаманом, и грозовой пистоль висели на поясе. - Агревейн, проследи, чтобы о компаньоне лорда Меченосца позаботились, как подобает.

- Конечно, лорд Железный Щит.

Она бросила взгляд на Иссакиана, помедлив лишь на мгновение, затем подошла к телу и аккуратно подняла его на руки вместе с плащом.

- Соболезную... - прошептала она и унесла Рассию прочь.

- Я прослежу, чтобы она получила подобающие похороны и почести, - сказал Васселий, когда Агревейн ушла. - Я чувствую, что наши пути скоро разойдутся, и у нас мало времени на подобные ритуалы.

- У тебя хорошая интуиция, - ответил Иссакиан, глядя на горизонт, где виднелись дикие земли. - Ты не слышал в этих местах о гòре, - он поднял руку и согнул ее, - вот такой, как лапа?

Васселий обдумал вопрос, затем кивнул.

- Я видел ее. Железные щиты какое-то время сражались в Бургаре. Мы проходили мимо похожей горы

несколько месяцев назад, до того, как ты к нам присоединился. Она рядом с границей владений, где Гур соприкасается с Акши, - он цокнул языком, будто оценивая настроение Иссакиана. - Чем она тебе интересна?

- Я... *наблюдал* ее. Видел. Не знаю. Сны, пророчества... Странные времена. Сейчас знамений в воздухе так же много, как огня и смерти.

- Немного в меланхолии, да? Ты всегда казался мне более полным надежд, Иссакиан.

- Так и есть. А потом я потерялессию. Надежда живет, но еще восстанавливается от этого удара.

- Эта гора, она тебе снилась?

Иссакиан кивнул.

- И ты думаешь это... что? Провидение? - спросил Васселий. - И оно приведет тебя к Призывателю?

- Владыки Серебряной Башни хитрые, но даже они не могут убежать от моего предвидения вечно. Такова воля Зигмара. Я не могу просто игнорировать ее.

Васселий, задумавшись, потер гладко выбритый подбородок.

- Нет, думаю, не можешь. Земли за границами Бургара опасны. Там звери.

- Я и ищу зверя.

Васселий засмеялся.

- В этом я не сомневаюсь, как и в том, что найдешь, - он посмотрел на темнеющий горизонт. - Сегодня встанем лагерем здесь. Сомневаюсь, что бургарцы позволят нам делать что-то еще.

- Они... экспрессивны.

- Несомненно. Тебе стоит остаться. Отдохнуть перед походом.

Иссакиан обдумал это. Ему хотелось уйти, но определенные связи удерживали его. По крайней мере на ночь. Он согласился.

- Хорошо. Очень хорошо, - сказал явно обрадованный Васселий. - И утром ты возьмешь с собой часть моих воинов. Тебе не следует путешествовать в одиночку. Не здесь. Кроме того, они знают, где находится эта гора. Они смогут отвести тебя к ней.

Иссакиан улыбнулся.

- Ты словно знал, что я буду возражать.

- Я тебя убедил?

Иссакиан протянул руку.

- Почту за честь, - сказал он.

Васселий взял его ладонь, и оба сжали запястья друг друга на воинский манер.

- Нет, лорд Меченосец, - произнес он, кивая, - это честь для меня.

С небес краткой бурей шести разрядов, один чуть позже другого, ударила молния.

От его головы расходятся молнии.

- Ты здесь потерял братьев, Васселий. Слишком многих.

- А, они вернутся. Они всегда возвращаются, - безразлично сказал он, пока оба смотрели в небо и пытались представить где-то за ним Зигмарон.

- Всему есть цена.

- Да, - грустно кивнул Васселий, - всему есть цена. Мы теперь все лишь духи молнии, принимаем мы это, или нет, - сказал он, уходя прочь.

- А что ты? - спросил Иссакиан, окликая его. - Принимаешь это?

- О, - ответил Васселий, продолжая идти, - я стараюсь не переживать об этом.

- Звучит мудро.

- Тебе стоит прислушаться.

- Возможно, так и сделаю, - тихо ответил Иссакиан, когда небо вспорол еще один разряд молнии.

Иссакиан проснулся, его обнаженное тело покрыл пот. Сон. Опять.

А облаченного в ночь короля более не существует...

Слова зазвучали вновь, постепенно растворяясь в разуме. Он попытался восстановить дыхание, замедлить биение сердца... Тут он ощутил на плече легкое прикосновение, нежное, но настойчивое, и боль ослабла.

- Я надеялась, ты поспишь, - сказала Агревейн и скользнула к нему.

Ее голая кожа была теплой, манящей. Иссакиан коснулся ее руки своей, потом наклонился, мягко поцеловав ее пальцы.

- Немного поспал, - сказал он и прислушался к завыванию ветра снаружи их палатки. Кожа зловеще скрипела; канаты натягивались, но держались. - Но я рад, что могу проснуться с тобой.

Она нежно повернула его голову, чтобы он посмотрел на нее.

Иссакиан нахмурился.

- Ты кажешься грустной.

- Ты уходишь утром.

- И ты будешь по мне скучать, - засмеялся он, мягко пошутив. Ее бедро выдавалось из-под постельного белья, и он провел пальцем по его упругому изгибу.

Агревейн поспешно отвернулась.

- Ты слишком беспечный, - рассержено сказала она.

- Иди сюда, - улыбаясь, ответил Иссакиан, заправляя прядь непослушных белых волос за ее ухо. - Эта ночь наша.

- Позволь пойти с тобой, - сказала она, встретившись с ним взглядом.

Плечи Иссакиана едва заметно опустились. Он покачал головой.

- Я не могу просить тебя об этом.

- Я добровольно предлагаю.

- Тогда я не могу этого принять.

- Значит ты дурак!

- Нет, - сказал он, ласково положив ладонь ей на щеку, - я был бы дураком, позволь тебе пойти. Я не могу взять тебя туда, куда направляюсь. Я не стану рисковать.

Теперь пришла очередь Агревейн смеяться. Она выхватила клинок, не длиннее кинжала, и приставила его к горлу Иссакиана.

- Вряд ли это решать тебе. Я рождена молнией, как и ты.

- И такая же неумолимая, я знаю. Я не сомневаюсь ни в твоём мече, ни в твоей храбрости. За них я и люблю тебя, Агревейн. Но я видел... *тьму*. Это знамение, оно сулит недоброе. Я связан с ним, к какой бы судьбе оно меня не привело. Не заставляй меня втягивать тебя в это.

Агревейн пристально смотрела, но спустя несколько мгновений отступила.

- Чтоб тебя, - пробормотала она.

- Признаю, - сказал он, тревожно глядя на клинок, - я думал, все произойдет иначе.

Агревейн поморщилась, но убрала нож.

- Эта ночь наша, - тихо произнес он.

- Да, - прошептала она, притянув его ближе. - Моя кровь - гром.

- Мое сердце - молния.

Полог палатки раскрылся, поднятый ветром. Внутри устремились запахи ночи, наполненные дымом от дерева и предвещающие дождь. Иссакиан и Агревейн едва заметили это, прижавшись друг к другу, тела их расчертил лунный свет.

Гора высилась вдали - чудовищная и отвратительная. Пять вершин действительно напомнили Иссакиану когтистую руку, и от этой мысли он поморщился.

- Далеко? - спросил он, когда разведчик взобрался на каменистый выступ, где Иссакиан устроил свой наблюдательный пост.

- Еще день отсюда, - раздался хриплый ответ, и разведчик сложил за спиной оплетенные молниями перья, подходя к лорду-дознавателю. Его звали Леон.

Иссакиан кивнул.

- Хорошо. Больше я не оплошаю.

- Мы будем отдыхать сегодня?

Опустилась ночь, скользя мягко и смертоносно. Иссакиан на мгновение подумал об Агревейн, но воспоминание быстро исчезло с криками ноктюрнов - зверей, охотившихся во тьме. Одно из этих существ крутилось на вертеле, его разделанные бока медленно зажаривались. Пахло не аппетитно, но это все же было мясо.

Глаза Иссакиана притянули к себе скудная трапеза и восемь воинов, сидевших вокруг костра, чьи доспехи в свете огня сверкали золотом, а лиловые наплечники были темными, будто лоскуты сумерек.

Один из воинов посмотрел вверх. Вит. У него был свежий шрам, рваной линией тянувшийся от щеки до брови. Как и у других, его доспехи были потрепаны и местами наспех залатаны. Рядом стоял алтарь. Прямо за границей света костра, но еще видимый. Его собрали из побитого щита, привязанного к мечу, ранее принадлежавшего лорду Светлокогтю. На поверхности щита - выбитые засечки. Их теперь было почти тридцать.

Иссакиан встретил ожесточенный взгляд воина и почувствовал крохотный укол сожаления. Они не были первыми, кто умрет в угоду его задаче. Он вновь почувствовал дрожь в левой руке, которой носил фонарь, но поборол ее. Вспомнились слова Васселия. «Мы теперь все лишь духи молнии».

Казалось, это было целую жизнь назад.

- Давай поедим, Леон, и пойдем дальше утром, - сказал Иссакиан разведчику.

- Мне выставить дозор, лорд Меченосец?

Иссакиан вгляделся во тьму. Его глазам потребовалась пара мгновений, чтобы привыкнуть после взгляда на пламя, но наконец он различил подползающие тени ноктюрнов. С длинными конечностями, серой, бледноватой кожей и миножьими ртами; приближаясь, они возбужденно стрекотали.

- Он нам не потребуется. Они скоро нападут.

Следующим утром, когда пятеро воинов добрались до подножия горы, землю укрывала густая дымка. Узкая тропа вела к расселине в склоне - единственный путь внутрь, о котором знал Иссакиан.

Вдоль тропы дул слабый ветер, холодный и унылый. Он пел для тяжелых сердец грозорожденных.

Иссакиан посмотрел на вершину. В клубящихся облаках шиферно-серое небо предвещало снег.

- Не стоит медлить, - сказал он Виту, занявшему место прямо позади лорда-дознателя. - Через проход идти полдня, и если начнется снег, тропа станет непроходимой. А без приглядывающего за нами сверху Леона, мы будем легкой добычей.

Вит крикнул воинам, объявив о форсировании перевала.

Они оставили все ненужное снаряжение - еду, палатки, запасное оружие. Груда зигмаритовых сокровищ мерцала позади них, зазубренный щит и меч расположились на вершине, будто священное подношение.

Иссакиан вошел в большой разлом через неровную пасть из камня самой горы. Он был рад убраться с ветра. Снег налип на его плащ, будто плесень, и он стряхнул его.

Буря поднялась быстро и неожиданно. Когда Вит и двое других выживших присоединились к нему, Иссакиан поднял фонарь.

Резкий золотистый свет очертил огромную палату. Ее глубины уходили далеко за пределы досягаемости фонаря, но с границ освещенного круга сурово смотрело воинство белых статуй. Они напоминали воинов, но из неизвестного Иссакиану ордена. Каменные флаги обозначили дорожку, ведущую к трону. На нем сидел рыцарь в заледенелых латах. Поверх брони накинут табард со знаком чаши, все еще различимым, несмотря на ветхое состояние. Кожа его была смертно серой и покрытой толстым слоем льда. Корона на голове говорила о его знатности. В руке лежал меч, лезвие касалось пола. К одному из подлокотников трона прислонен щит, изображавший геральдику рыцаря – атакующего льва.

Иссакиан уже собирался подойти к трону, когда почувствовал руку на плече.

- Что такое, Вит?

Он указал на землю, где сгущались тени.

- Кости... - пробормотал он. - Какой-то зверь устроил себе здесь логово.

- Он мог уйти, - предположил Иссакиан, - но рисковать не будем.

Грозорожденные достали оружие, и воздух запел от потрескивания зигмарита.

- Рассредоточиться, - сказал Иссакиан. - Обыскать это место. Я получу ответ. Я *должен* получить ответ.

Они осторожно начали осматривать чертог. Дыхание оставляло в воздухе дымку через ротовые щели их шлемов.

Иссакиан дошел до трона и присел у занимавшего его рыцаря, удивленный, как хорошо тот сохранился. Его сереющая кожа говорила о солидном возрасте. Впрочем, она не разложилась, лишь иссохла.

Тут он заговорил.

Иссакиан ошарашено отшатнулся.

- *Тебе не стоило приходить...* - прохрипел рыцарь голосом призрака. - *Назад... Назад...*

Если остальные услышали это, то не подали вида. Иссакиан поднял взгляд и увидел силуэт Вита, исчезающий во тьме. Он вновь повернулся к рыцарю.

- Почему ты жив? - спросил Иссакиан. - Ты проклят?

- *Назад... Тебе не стоило приходить.*

- Не могу. Таков мой путь. Я поклялся найти Призывателя, пурпурную ворону. Скажи мне, что ты о нем знаешь?

- *Назад... или молниевый голем поглотит тебя.*

- Я не боюсь чудищ. Чтобы добраться сюда, я многих убил. Знай же, что я не отступлю. Я потерял слишком много. Это место явилось мне в видении. Ты единственное живое существо в этой горе. Итак.

Говори!

Рыцарь схватил наруч Иссакиана до того, как грозорожденный смог остановить его. Он попытался вырваться, но хватка призрака была сильна.

- Ты обрекаешь себя, воин, - сказал он и осмотрел Иссакиана, будто впервые. - *Что ты за воитель? Я никогда не видел подобных, хотя пребываю здесь уже, кажется, вечность. Интересно, ты здесь, чтобы разрушить проклятье?*

Иссакиан попытался ответить, но язык казался свинцовым во рту. Вокруг его тела сомкнулись и сжались ледяные тиски.

- *Найди его...* - произнес рыцарь. - *Убей его.*

- Г-где?- прорычал Иссакиан сквозь стиснутые зубы.

Рыцарь улыбнулся холоднее, чем зимняя буря.

- *Ближе...*, - сказал он, - *и я скажу тебе.*

Иссакиан подался вперед и выслушал, что рыцарь прошептал ему в ухо.

Низкий рокот донесся откуда-то из глубин. Потом раздались крики и звон мечей.

Иссакиан ошеломленно поднял глаза. Боль ушла. Рыцарь будто вообще не двигался, и грозорожденный задумался, было ли пережитое им реальным.

- *Назад... Тебе не стоило приходить.*

- *Назад!* - закричал он остальным, вставая и готовясь поднять фонарь. Он опоздал.

Через чертог пролетел грозорожденный, ударившись в одну из статуй и разбив ее. Он осел грудой разломанного камня и зигмарита. Попытался встать, потянувшись за молотом, но упал - его нагрудник превратился в алое месиво выпирающих костей. Глаза Иссакиана ослепил разряд молнии, рванувшийся вверх и разорвавший пополам потолок.

- *Зверь!* - заревел Вит, бегом выскочив из теней. Второй воин следовал за ним на несколько шагов позади, выпуская трескучие молниевые стрелы во что-то огромное и неясное позади.

Поняв, что стрелы не помогают, лучник развернулся. Громадное копыто раздавило его прежде, чем он смогу убежать дальше.

Зверь встал на дыбы, его лохматую шкуру осветил столп восходящего сияния от смерти лучника. С диким оскалом на жестоком лице он взревел, отчасти из-за боли, отчасти в ярости.

- *Камнерог!* - закричал Вит, подняв оба меча, когда чудовище нависло над ним.

Броня, утыканная заклепками и шипами, покрывала его мускулистые плечи, но истинную опасность представляли длинные рога, выступавшие из морды. Сформированные из перекрывающихся пластин отвердевшей кости, они изгибались в опасные кончики, острые, как кремь.

От него пахло сыростью, инеем и падалью.

И оно было не одно.

Второй камнерог с грохотом вырвался из темноты. Он стоял перед выходом из чертога, сокрушив все надежды на отступление.

Пещера начала разваливаться. Глыбы камня падали с потолка. Одна попала в Вита, упавшего на колени. Первый камнерог боднул его в грудь, пробив доспехи, словно это пергамент, а не трижды благословленный зигмарит.

Когда Вит умер, Иссакиан сорвал свой шлем и коснулся меча губами.

- За Зигмара и Азир, - выдохнул он, вызвав старые воспоминания. - Агревейн...

Перед смертью он бросил последний взгляд на древнего рыцаря, молчаливого, но двигавшего губами в знакомой фразе.

Назад... Тебе не стоило приходить... Назад...

Затем гора обрушилась, и у Иссакиана было всего мгновение, чтобы обдумать слова рыцаря, прежде чем камни раздавили его.

- Нам надо повернуть назад...

Эндал Когфингер на одной руке висел на канате, подкованные железом ботинки уперлись в поднятый край носовой палубы. Он прижал подзорную трубу к левой линзе своей маски и безбоязненно вывелся на ветер.

Они летели низко, огибая гребни лавовых волн. Огонь лизал киль «Дрека-Дураз» и отбрасывал на его золотые филигранные адское свечение. Крепкий корабль, оснащенный оружием и с украшенными рунами корпусом, сделанным из заклепанных под паром пластин - даже носовая фигура предка скалилась.

Дымящийся, колышущийся пейзаж тянулся во все стороны насколько хватало смертных глаз. Магмарическое море корчило внизу, выплевывая пламя и извергая пар - такое же опасное и непредсказуемое, как поле боя. Окрашенные красным облака мерцали над головой близко к верхнему плавнику дирижабля, будто бурлящая масса гневных грозовых туч, расчерченных разрядами молний, освещавших их внутренности подобно раскаленным венам.

- А, у тебя, парень, в брюхе вода или железо? - спросил Фулсон Эфирай. - Клянусь Кодексом, твой отец никогда бы не ушел от шторма.

- Это не простой шторм, Фулсон, - сказал Эндал. - Сам посмотри, - он передал ему трубу, но у эфирного навигатора корабля была своя.

- Оставь свою побрякушку себе, арканавт, - проворчал он и взял из снаряжения таинственный прибор. Он посмотрел через плечо на единственного пассажира фрегата и гордо пробормотал: «Эфироскоп».

На Фулсоне тоже была маска. Выкованная из железа и украшенная золотом, она изображала лицо дуардина. С завитой, без необходимости вычурной бородой. Левая глазная линза выдвинулась, чтобы изучить сферу, прижатую к кончику сложного металлического каркаса - вышеупомянутый эфироскоп.

- Потоки эфира действительно хаотичны, - признал он. - Так далеко в огневолнах... восходящие течения непредсказуемы, капитан. Парень прав.

- Мне говорили, - перебил пассажир, - что харадронцы не нарушают уже заключенную сделку, - Иссакиан Меченосец повернул голову, осматривая капитана корабля. - Или я ошибаюсь?

Сложив руки и широко расставив ноги, Зарган Айринхарт посмотрел вниз с полубака^[2] на верхнюю палубу, где стояли грозорожденный и большая часть его команды.

Иссакиан почувствовал гнев во взгляде капитана даже сквозь маску дуардина.

На горячем ветру потрескивали угли, подчеркивая тишину. Пепел и зола наполняли воздух, отчего было тяжело дышать.

- Половину до, половину после, - напомнил ему Иссакиан, не пошатнувшись под презрительным взглядом дуардина. - Таков был договор. Ты отрицаешь это?

Маска Заргана была украшена богаче, чем у команды. Она указывала на старшинство. Его корабль, его закон.

- Мы выполним его, - проворчал он. - Да будет известно, что ни один корабль из Барак-Урбаз не отказывается от выгоды. Но никакие деньги не стоят гибели судна. Я скорее выброшу тебя в огневолны, чем приму такой риск.

Если Иссакиан и почувствовал что-то по поводу этой плохо завуалированной угрозы, то шлем хорошо это скрыл.

- За риск тебе неплохо заплатят.

- Да, - сказал капитан, - но в отличие от *благословленных* твоего Бога-Короля, мы, дуардины, не возрождаемся из грома и молнии. Мы свои жизни так не транжирим, грозорожденный.

Корабль накренился к правому борту, пойманный в сильный эфирный поток, но вскоре снова выпрямился. Харадронцы едва это заметили. Как и Иссакиан.

- Ты будто напуган, Айринхарт. Так ли это?

Громко шелкнули взведенные курки эфирных винтовок, когда на верхней палубе Грудсток Тандерерс возмущился неуважением к их капитану.

Иссакиан не пошевелился. Он сжал левую руку, чтобы унять в ней дрожь.

Зарган махнул им.

- На тебя направлены шесть стволов, а ты едва вздохнул. Так это правда, а что у вашего брата в венах вместо крови течет молния?

- Я спросил, боишься ли ты?

Зарган медленно и горестно покачал головой.

- Да, я боюсь. Как любой вменяемый смертный. Но тебе не стоило гневать меня.

- Морские эльфы, перевозившие меня, когда я первый раз шел этим путем, выглядели достаточно вменяемым, и они не казались напуганными огнем.

Пробормотав ругательство, Зарган выхватил залповый пистолет из кобуры и направил его на голову

Иссакиана.

- О, теперь ты нарываешься.

Иссакиан едва оглянулся, его лицо было таким же безразличным, как и вырезанное на его маске.

Зарган фыркнул и опустил оружие.

- Сколько кораблей отказали тебе до того, как ты пришел ко мне, а? Думаю, не один.

- В этот раз? Все, - ответил Иссакиан. - Только ты согласился отвезти меня.

- Вот уж повезло.

Зарган ткнул пальцем, указывая поверх носа фрегата.

- Я знаю, почему плыву туда. Жадность. Мне нравится эфирное золото. Я хочу больше. Быть богатым стоит того, чтобы немного побояться. Но ты... - он кивнул, и Иссакиан подумал, что не будь дуардин полностью в шлеме, то, может, харкнул бы. - Почему ты это делаешь?

- Я ищу тварь. Я долго преследовал ее. Думаю, многие годы. Лиловую ворону, Призывателя.

- Все это, чтобы убить колдуна?

- Это предначертано. Мне это приснилось. Мне это *все еще* снится.

Флаг, привязанный к самой верхней лопасти воздушного корабля, громко захлопал, чем привлек внимание Иссакиана. Он напомнил ему белую копну волос, мягко развевающуюся на ветру.

- Дыхание Грунгни, - зашипел Зарган, - ты *действительно* чокнутый.

Иссакиан посмотрел на водоворот к югу.

- Нет. Еще нет.

Море почернело вокруг водоворота. Он крутился, проваливаясь вовнутрь, пойманный в медленно уменьшающуюся воронку, питающую темную бездну в его нижней точке. Будто вытекающий из проткнутого легкого воздух, от этой раны в море столбом шел дым, повиснув над ней черной пеленой.

- «Сердце огня», - произнес Иссакиан, вспомнив слова призрака. С того первого раза вспоминать их стало труднее, и он порой задумывался, чем еще пожертвовал, чтобы сохранить их. - «Ищи сердце огня, где океан утопает, а воздух - черен, как власяница». Он *должен* быть там.

- Мы скоро узнаем, - сказал Зарган, когда воздух начал нагреваться. Он обратился к Эндалу. - Эндрин-мастер, дайте сигнал команде. Мы заходим в водоворот.

Эндал кивнул, пожалуй, неохотно, но коротко козырнул. Когда он прыгнул на главную палубу, его тяжелая броня громко лязгнула. Он закинул тяжелый паровой молот на плечо.

- Все по местам, - крикнул он, и команда занялась приказами. - Выкатывайте тяжелое оружие и загружайте эфир-погреб. Приготовьте закрепляющие вентили.

- Знаешь, как называют это место? Что это такое? - сказал Зарган Иссакиану, но не дождался ответа. - Адская Пасть. Это врата владения, но я понятия не имею, куда они идут. А ты, грозорожденный?

Иссакиан не ответил. Когда «Дрека-Дураз» влетел в черный дым, он поднял свой фонарь. От открытой заслонки вперед пролился свет, отражаясь от пламенных угольков во тьме.

- В облаке обломки, - крикнул Фулсон, стараясь перекричать закручивающуюся ярость вихря.

Пробиваясь через стены дыма, мечась и виляя среди свирепых восходящих потоков, фрегат продирался через горящий воздух, пока не завис, нетвердо, над сердцем Адской Пасти.

Иссакиан обнажил свой меч, когда его разум вспомнил знакомые кошмары.

- Это не обломки.

Угольки стали глазами. Тьма ожила, и вниз спустились демоны. В медленном, тяжелом полете били воздух рваные крылья. Распахивались широкие пасти, обнажая сверкающие, похожие на иглы зубы. Морщилась от жара освежеванная плоть.

Воздух вспороли рывканье и шипение эфирных винтовок, сражаясь с адским визгом проклятых.

Зарган посмотрел вниз на водоворот, выхватив свой резак и залповый пистолет. Он повернулся к Иссакиану со спрятанными за холодной синевой линз глазами и взревел.

- Ради славы... Ради добычи... *Ныряем!*

«Дрека-Дураз» резко упал, прорываясь через завесу дыма. На корпусе шипели капли лавы, выплюнутые черными стенами вихря.

Корабль рухнул вниз, и Иссакиану пришлось ухватиться, просто чтобы остаться на ногах. Он примотал свой фонарь к главной стойке дирижабля, которую Зарган называл «эндриновой мачтой».

Принесенный полыхающим ветром горячий уголек ударился о его доспехи, опалив сигмарит.

Это было ничто по сравнению с крылатыми фуриями, появившимися из самого огня. Будто обретшие форму клубы дыма с горящими углями вместо глаз, они пикировали на команду корабля, столь же голодные, как чума.

Иссакиан смотрел, как стрелок, крича и отбиваясь, исчезает во тьме, унесенный вверх и прочь. В воздухе повисла вонь горячей серы, тяжелая, как проклятье. Каждый вдох был палящей мукой.

Что-то вырвалось из тьмы, с визгом бросившись к грозорожденному. Иссакиан отрезал его левое крыло, и тварь бешено закрутилась, затем с грохотом рухнув на палубу. Пистолетный выстрел добил демона, раскрыв череп и низведя его до черной жижи.

Зарган встретился глазами с Иссакианом и кивнул.

Тот ответил тем же, и затем капитан отвернулся, готовый похвалой вдохновить свою команду на еще большие старания, как раз когда стая фурий схватила его. В одну секунду Зарган был здесь, упорно сражаясь, выкрикивая приказы; в следующую остался лишь его резак, оброненный, когда дуардина утащили. Он упал лезвием вниз, вонзившись в палубу подобно надгробию.

Дисциплина пошатнулась, но корабль все равно опускался, содрогаясь и скрипя, пока потусторонние силы пытались разорвать его на куски. Рев пламени стал оглушающим, а жар - таким сильным, что Иссакиан едва мог дышать. Он осел на колени, смутно различая визг наверху и треск корпуса внизу.

А потом... ничего.

Темнота.

Тень.

Алдринет шла осторожно, пытаясь оценить надежность моста. Один неверный шаг - и ее примут бездонные глубины внизу. Она видела, как там, в тенях, извиваются духи, бестелесные и злобные. Женщина неосознанно дотронулась до талисмана на шее, радуясь его наличию. Ее ботинки проскребли по одной из планок под ногами.

- Это кость... Мост сделан из кости, - сказала она остальным, но не оглянулась.

Никогда не оглядывайся, не здесь, не в Шаише.

Грубый, обдирающий песок струился с холмов впереди. Он покрывал черную одежду и чешуйчатый доспех женщины аметистовой патиной. В песке слышались голоса потерянных. Алдринет отстранилась от них.

- Все в этом владении - кость, сестра, - сказал Ретор, затягивая свой темный плащ на плечах потуже. Он держал своей меч обнаженным, но близко к телу.

- Чувствуете запах? - скривившись, спросил Валдред. На его луке из тенедрева лежала стрела, и он наблюдал за тенями с настороженной тревогой.

- Это мертвецы, - предположил Иссакиан, в нескольких шагах позади следопытов. Он смотрел на свою левую руку, но теперь обратил внимание на аэльфов. - За мостом, и прямо за теми холмами, в Вечном Костре. Там горят мертвецы. Они никогда не прекращают гореть.

Горит... Корабль в огне. Дуардины кричат в ужасе... Спуск во тьму, и ждущая его награда...

- Радостная мысль, - пробормотал Ретор.

- Я думал, мы ведем *тебя*, грозорожденный, - сказал Валдред, следя взглядом и луком за Алдринет, пока та медленно переходила костяной мост.

- Я доходил сюда раньше, - ответил Иссакиан. - Но не дальше - в этих холмах тоже прозябают мертвые.

- Это не холмы, - произнес Ретор.

- Да, - согласился Иссакиан. - Не холмы.

- Нам придется идти в обход, - сказал Валдред, облегченно вздохнув, когда Алдринет дошла до другой стороны моста живой и с нетронутой душой. Она поторопила остальных как раз в тот миг, когда песок вокруг холмов начал шевелиться...

Валдред предупреждающе крикнул, но Алдринет уже разворачивалась и доставала стрелу из колчана. Она выстрелила трижды за короткий промежуток времени, пока чудовище из кости и обрывков разлагающейся шкуры вытягивало себя вперед. Громадина затмила аэльфа, бросившись на нее. Стрелы Алдринет пробили одно из крыльев. Жесткую кожу срезало, как мокрый пергамент, но монстр не издал крика боли или дискомфорта.

Ретор распахнул плащ и поспешил к мосту, пока Валдред целился.

- Прибереги стрелы, - сказал ему Иссакиан.

Валдред недоверчиво посмотрел на него со злобой на лице.

- И ничего не делать! - рявкнул он. - Может, у тебя, грозорожденный, лед в крови, но это моя родня.

- Прибереги стрелы для них, - Иссакиан указал на орду тварей поменьше, вытаскивавших свои затхлые кости из могильных курганов. Они были бледными, серыми и голодными, и на их поджарых телах налипла холодная земля. Алдринет пыталась отбиться от них и схватиться с терроргейстом.

Валдред оскалился.

- Пожиратели плоти.

Иссакиан пошел за Ретором, его меч истекал звездным светом.

Аэльф прошел половину моста, когда смерть забрала его. Духи просто потянулись вверх, их гневные и унылые голоса соединились с голосом аэльфа, когда море призрачных пальцев обвилились вокруг него. Ретор начал кричать, жутко и по-детски, но духи сдавили его лицо и утащили с моста в тени внизу.

Вопль продолжался, пока Иссакиан шел по мосту; его поднятый фонарь, снятый сейчас со стойки и зажатый в облаченную в латы руку, держал духов на расстоянии.

Мертвецы на той стороне уже другое дело.

Гули отшатнулись от света, шипя от боли сквозь иссохшие рты, полные острых зубов. Скелет-терроргейст казался менее потревоженным им и замахнулся на Иссакиана костлявой лапой.

Тот прыгнул в сторону, еле избежав того, чтобы быть проткнутым, но уронив фонарь. Свет погас, и гули тут же напали.

Он махнул клинком, разрезав высохшую плоть, отрезав кисть, распоров тощую грудь. Гули зарычали.

Алдринет погибла, ее труп лежал под лапой терроргейста, будто тварь была охотником, ревностно стерегшим свою добычу. Ее раздавило, доспехи разорвало, лук сломался пополам и оказался прижат под ее телом. Иссакиан на мгновение почувствовал боль, что-то полузабытое, но она быстро исчезла.

Он услышал крик отчаяния и понял, что Валдред увидел то же самое.

Сквозь воздух просвистели стрелы. По крайней мере, аэльф сохранил хладнокровие, чтобы целиться в гулей. Одному он прострелил горло, другому - глаз. Темная древняя кровь покрыла могильные курганы.

Это их не остановило. Голод был более сильной мотивацией, чем угроза смерти.

Иссакиан зарубил еще одну тварь, когда терроргейст взмахнул огромными, но рваными крыльями и взлетел в небо. Он посмотрел вверх, и чудовищная тень упала на него.

- Перевернутая башня, падающая в царство мертвых, - пробормотал он, пытаясь запечатлеть изображение в памяти. Оно было вырезано на каменной скрижали, лежавшей на дне Адской Пасти, будто утонувшее сокровище. Не врата владений, как таковые, но почти неиссякаемое хранилище. Команда дуардинских каперов отдала свои жизни, чтобы он смог найти знание. Он должен был сохранить его. Для того момента, когда вернется...

Терроргейст спикировал на него, вытянув когти, чтобы содрать сигмарит с костей.

Иссакиан поднял меч.

Затем ударила молния.

Стрела из чистого азирита, несущаяся из самого Зигмарона, разорвала чудовище пополам. Оно упало с небес градом костей, когда удерживавшая их вместе тьма распалась.

Еще разряды ударили в ущелье, сокрушая притаившихся там духов и преследуя их в глубочайшую тьму.

А следом за бурей... Воины, облаченные в сигмарит цвета слоновой кости с наплечникам голубыми, как летний дождь.

Рыцари Превосходства. Казалось, Иссакиан не видел их несколько жизней. Они быстро атаковали пожирателей плоти, сокрушая их молотом и клинком. Азиритовые стрелы трещали и плевались снопами искр. Орда бежала, то небольшое, что осталось от нее, и из этой праведной бойни вышла генерал верхом на свирепом боевом грифе с серо-белыми боками и зелеными перьями на передних лапах. Она держала копьё, но едва увидев Иссакиана, привязала его к седлу и спрыгнула со скакуна.

Пока она шла к нему, по ее закованным в доспехи бедрам мягко шлепали алебарда и грозовой пистолет.

- Защитники! - крикнула она. - Убедитесь, что эти твари мертвы.

Отряд кавалерии на боевых грифах в более легких доспехах немедленно отправился исполнять ее приказ. Они называли ее лордом-ловчим, но когда женщина сняла шлем и позволила длинным белым волосам упасть на плечи, Иссакиан понял, что знает ее под другим именем. Он потянулся к нему в своем разуме, словно поймал снежинку до того, как та растает в его ладони. Это заняло несколько секунд.

- Агревейн...

Он знал ее, но их разделяли проломы в памяти.

На кратчайший миг, на ее лице мелькнула тень печали, затем она смогла взять ее под контроль. Агревейн положила руку на навершие своего топора.

- Иссакиан, не ожидала увидеть тебя здесь.

- Я ищу Призывателя.

Агревейн попыталась скрыть удивление.

- До сих пор?

- Путь был долгим, а буря, - произнес он, - взяла... цену.

Агревейн, кажется, собиралась что-то сказать, но не стала. Она коснулась его щеки в доспехах и прошептала:

- Под твоей маской все еще плоть, Иссакиан?

Тот не ответил. Он вспомнил скрижаль.

- Перевернутая башня, падающая в царство мертвых.

Агревейн опустила руку.

- Это то, что ты ищешь?

- Это его логово. Твари, что я преследую сквозь смерть, сквозь бурю.

Агревейн кивнула, потом сжала зубы. Казалось, ей больно, хотя Иссакиан не видел ран.

- Нам приказано найти Чернокаменные Врата, - сказала она, - и от них идти в город под названием Глиммсгорн. Собирается смут. Ходят слухи, что в Шаише грядет неконтролируемая война. Мы должны принять участие, - она помедлила, будто пытаясь посмотреть сквозь маску Иссакиана. Он не помнил, когда последний раз снимал ее. Возможно, он никогда этого не делал, но обнаружил, что во взгляде женщины все равно есть любопытство. - Идем с нами, - сказала она. - Мне потребуется лорд-дознатель. Тебе в наших рядах будут очень рады, Иссакиан.

- Бросить мою миссию?

- До того, как она заберет все, чем ты когда-то был, да. Брось ее.

Иссакиан изумился.

- Я не могу. Я зашел слишком далеко, чтобы сдать. Я пожертвовал...

- Тобой теперь движет одержимость, а не долг. Пожалуйста... Пойдем с нами, - Агревейн потянулась к нему, но Иссакиан отступил.

- Перевернутая башня, падающая в царство мертвых... Я найду ее и убью тварь, устроившую себе в ней логово.

Защитники вернулись, и звери, и их наездники жаждали охоты.

- Я не могу остаться, - сказала Агревейн. Она надела шлем.

- Как и я, - ответил Иссакиан.

- Мы будем у Чернокаменных Врат три дня, ожидая Лорда Железного Щита и его людей... - она дала смыслу фразы повиснуть.

- Звучит мудро, - сказал Иссакиан.

Женщина помолчала, словно углядев в словах какой-то высший смысл, и шепнула:

- Моя кровь - гром...

Иссакиан непонимающе смотрел на нее, не зная, как ответить.

Под маской ее глаза ожесточились. Он услышал, как сжалась ее рука.

- Прощай, Иссакиан Меченосец, - наконец, сказала она, и в ее голосе было что-то, отчего она казалась опустошенной. Потом Агревейн развернулась и ловко запрыгнула на скакуна.

Иссакиан наблюдал, как она уходит, ведя Защитников устрашающим темпом. Они исчезли за несколько мгновений, потерявшись вдали, позади облака аметистового песка.

Валдред провел его по оставшемуся пути. Мертвые не тревожили их. Они спрятались после грозы, но скоро вернутся.

Иссакиан стоял лицом к башне, ее кривая крыша вознеслась вверх, будто с ударом кинжала, и невозможно балансировала на дюне из аметистового песка. Узкая мощеная дорожка из камня фиолетового цвета вела ко внешней двери, обрамленной усыпанной черепами аркой.

Когда Иссакиан сделал первый шаг по дорожке, он услышал, как скрывается Валдред. Аэльф выполнил свою роль. Пускай скорбит по мертвым.

Призрачный туман опутал башню, гуще всего у крыши. Бестелесные лица роились в этих миазмах и тянулись к Иссакиану из-под дорожки, но почти что боялись коснуться его.

Он ощутил внутри бурю, будто в жилах не кровь, а молния. Его мысли обратились к добыче и долгой охоте, наконец, подходящей к завершению.

Преодолев тропинку, Иссакиан прошел через арку и позволил тьме забрать его.

Он видел достаточно хорошо, но нашел залы башни пустыми и холодными. Шаги отражались эхом. Они звучали почти как голоса потерянных. Здесь что-то жило. Иссакиан его чувствовал. Он медленно приблизился к нему, на инстинкте, которым обладали все дознаватели.

- Я ищу то, что сокрыто, демона и колдуна... - пробормотал он. - Я излучаю свет, где тьма угнездилась глубже всего.

Иссакиан поднял фонарь, хотя от этого рука заболела. Его перламутровое сияние очертило края круглого возвышения. Гладкие ступени вели вниз к огромной комнате, вытесанные из того же фиолетового камня, что и дорожка. Возвышение стояло в центре, линии трех стен помещения сходились и соединялись в этой точке.

На возвышении, на коленях, спиной к Иссакиану, стояла фигура, писавшая на полу кусочком лилового мела, окрасившего ее пальцы такой же пылью.

Девочка. Иссакиан смутно вспомнил ее и зоотроп, крутившийся и крутившийся, показывая ему игру теней.

- Ты не ребенок... - начал он и обнажил меч.

Девочка хихикнула и, поворачиваясь и вырастая, поднялась на ноги. Ее кости удлинлись, кожа стала бледной, с синими пятнами и розовым отливом. Глаза разделились, множась, пока из лба выталкивались рога. Из спины выросла третья рука, а ноги слились вместе, аляповатые и переливающиеся. Затем они растеклись и превратились в робу.

- Призыватель... - выдохнул Иссакиан, узнав существо, теперь полностью изменившееся. Он бросился к твари, готовый насадить ее на меч и...

... пронзил лишь лиловую пыль. Она покрыла его броню, придав ей уродливый аметистовый оттенок. В воздухе появилась сильная вонь сырых, плесневелых, старых и пыльных мест.

В тенях вокруг возвышения эхом раздался трескучий смех, и в свет вышел старый, иссохший мужчина в черной робе.

Иссакиан двинулся, чтобы сразиться с ним, но темные энергии, извивавшиеся от шаишских рун, вырезанных на краях возвышения, крепко держали его на месте.

- Ты упрямый, - сказал старик тонким, скрипящим, как сухой пергамент, голосом. Он подошел ближе, опираясь на кривой посох с тремя привязанным к нему фалангами. - Любопытно, не так ли, - продолжил он, двигаясь вдоль границы возвышения и изучая Иссакиана со всех сторон, будто оценивая лабораторный образец, - как мог ты столько раз умереть и все равно вернуться? Я нахожу это интересным.

- Отпусти меня, и я дарю тебе быструю смерть, - пообещал Иссакиан, сильнее сжав рукоять меча. Молния пощипывала кожу. Он чувствовал ее силу и знал, что может выпустить ее, когда захочет.

Старик засмеялся. Он хохотал так сильно, что согнулся пополам и закашлялся.

- Смерть, - прохрипел он, отдышавшись. - Это *и есть* смерть. Шаиш - это смерть. Ты ничего не предлагаешь мне в этой сделке. Но мне не нужен обмен. Я хочу изучать, - он приблизился и протянул костлявый палец, проведя по темной энергии, сковывающей Иссакиана. Она завизжала от прикосновения, будто ногти царапали камень.

- Я чую в тебе магию... - прошипел он. - Перекованную, переделанную силу. Думал, можешь избежать *его* взгляда? Какая наглость. Песочные часы уже перевернулись, несущий бурю. Их пески неотвратно бегут к твоей смерти, - колдун засунул руку в свои грязные одежды и достал чахлую птицу с оперением того же цвета, что и меловая пыль. Она один раз каркнула тонким, почти человеческим голосом. - Лиловая ворона... - старик кивнул на Иссакиана, - ... и молниевый голем.

Иссакиан взревел. Гнев, горячий и возмущенный, устремился по его венам. Левая рука загорелась, дрожа от небесного огня. Он вогнал меч в возвышение, и из наверхия вырвалась могучая буря. Хлестнула молния, яркая и яростная, но едва она коснулась границы темноты, ее отразило назад. Гроза несколько раз ударила Иссакиана. Вихрь разрядов рвал его, сдирая доспехи, сжигая плоть и превращая кости в пепел, до... пустоты.

Он вновь умер, но когда буря внутри попыталась вырваться и изогнуться в Азир, она не смогла. Тьма превратилась в дым, а потом в стекло, заключив молнию внутри сосуда из могучих чар. И внутри стекла находилась потрескивающая фигура человека, молниевый голем.

- А облаченного в ночь короля более не существует, - сказал старик, ковыляя обратно в тени. Когда тьма поглотила его, он прохрипел. - Сколь многое мы узнаем... и высокомерие Бога-Короля станет ему погибелью.

Затих смех, потом шаги, и Иссакиан остался один в бездумной жалости к самому себе. Он *стал* грозой, молнией без громоотвода, беснующейся и гневной.

Но среди бессильной ярости повторялось слово, единственной слово, которое молниевый голем мог вспомнить.

Агревейн...

Источник —

[https://wiki.warfrog.wtf/index.php?title=Молниевый_голем_/_The_Lightning_Golem_\(рассказ\)&oldid=25599](https://wiki.warfrog.wtf/index.php?title=Молниевый_голем_/_The_Lightning_Golem_(рассказ)&oldid=25599)

Эта страница в последний раз была отредактирована 28 июля 2024 в 01:17.